

ДЕВЯТЫЙ ПЕРИОД

Сентябрь 1944 года: от второй Квебекской конференции до конференции в Думбартон-Окс; планы завершения войны и усилия по устройству мира после войны

Вторая Квебекская конференция; сентябрь 1944 года

Обратимся к событиям позднего лета 1944 года – встрече Рузвельта, Черчилля и их советников в Квебеке в сентябре, важному предварительному совещанию, на котором западные союзники пришли к соглашению о своей будущей стратегии.

Черчилль, огорченный неприятием его стратегического плана после операции «Оверлорд» и озабоченный желанием Америки оттянуть принятие решений по европейским вопросам, искал возможность рассмотреть все перспективы с Рузвельтом с глазу на глаз. Но президент не изъявлял желания снова выслушивать страстные аргументы премьер-министра. Поэтому он отложил очередную встречу с ним, пытаясь привлечь к обсуждению этих вопросов Сталина. 17 июля, за три дня до своего переизбрания на четвертый срок, Рузвельт послал Сталину очередное письмо с предложением встретиться втроем в самом ближайшем будущем, поскольку дела продвигаются успешно и стремительно. Он также сообщил о согласии Черчилля с его мнением. Президент предложил встретиться где-нибудь в середине сентября на севере Шотландии.

22 июля Сталин ответил, что теперь, когда советские армии втянулись в бои по столь широкому фронту, он не может покинуть страну и отойти на какое-то время от руководства военными делами. Он добавил, что все его коллеги также считают это «совершенно невозможным». Рузвельт смирился, заметив, однако, в своем послании от 28 июля: «Приближается время принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах».

Но Черчилль, которого вовсе не радовало решительное продвижение Красной армии, особенно в Юго-Восточной Европе, в своих тревожных посланиях Гопкинсу не уставал настаивать (в это время Рузвельт совершал поездку по Тихому океану) на необходимости срочного пересмотра британско-американской стратегии. Поэтому после возвращения Рузвельта в середине августа в Вашингтон встреча с Черчиллем и Британским объединенным комитетом была назначена на сентябрь. Квебек был выбран как приятное и удобное место, а также потому, что проведение встречи здесь, возможно, не создаст впечатления политической конференции, во время которой Россия останется за бортом, чего было бы невозможно избежать, проводись эта встреча в Европе или в Англии.

Никогда еще перед двумя военными лидерами и их штабами не разворачивалась такая широкая панорама военных действий, как в Квебеке. Две группы в течение приятных, но тяжелых дней составили стратегическую программу, определившую основные действия на оставшийся период войны в Европе. И первоочередное внимание было уделено войне на Тихом океане и Азиатском материке. Планирование кампании в столь обширном регионе в значительной степени незаметно превратилось в совместное обсуждение.

Необходимо вспомнить об обстановке в мире, которую они обсуждали.

К тому времени Эйзенхауэр принял на себя личное командование огромными союзническими войсками во Франции, насчитывающими полмиллиона воинских частей, путь которым был расчищен превосходящими воздушными силами. Эти войска были одновременно задействованы в трех различных операциях. Первое направление действий войск союзников – освобождение северных, примыкающих к Ла-Маншу, регионов Франции, Бельгии и Голландии с их важнейшими портами. Брюссель был взят 3 сентября,

Антверпен – 4-го (но подходы к порту были еще закрыты), а Гавр – 12 сентября. Центральная группа двигалась в сторону Саарского региона. Льеж и Люксембург были освобождены, и американские и британские дивизии на большом участке фронта вышли к немецкой границе и прорвали оборону на линии Зигфрида. Южная группа войск подошла к реке Мозель и направилась к Нанси. Объединенные американские и французские силы срочно перебросили из Южной Франции отборные дивизии, образовав линию фронта южнее швейцарской границы (операция «Энвил»). Немецкие войска начали беспорядочное отступление. Летняя кампания превратилась в яростное преследование, которое, однако, постепенно ослабело.

В докладе Эйзенхауэра на Квебекской конференции говорится о продолжении окружения Рура и Саара и продвижении широким фронтом на Берлин, как с севера, так и с юга. В записке генерала командующим групп армии от 15 сентября Берлин назван конечной целью после взятия Рура, Саара и Франкфурта и предполагаются действия «объединенными британско-американскими силами, поддерживаемыми другими силами, движущимися через ключевые центры и занимающими стратегические районы с обоих флангов. Это должна быть скоординированная, согласованная операция».

Он просил свободы в выборе любого пути в Германию, в зависимости от ситуации. Но некоторые из его командующих были убеждены в необходимости сконцентрировать силы на одном направлении, в результате чего прорыв в Германию и на Берлин будет осуществлен уже этой осенью. Генерал Монтгомери, командующий крупными британскими и канадскими силами, организованными в 21-ю армейскую группу, был уверен, что это ближайший путь к победе. Он настаивал, что основные британские и американские силы на северном фланге фронта должны совершить один большой рывок, предоставив остальным армиям добивать противника у них в тылу. Монтгомери был не единственным командующим, полагавшим, что при наличии средств войну можно закончить, используя другую стратегию, нежели та, что предлагал Эйзенхауэр. Генерал Паттон, командующий дивизиями, с ошеломляющей скоростью продвигающимися на юг к Мозелю и Мецу, был убежден, что, если к нему подоспеет подкрепление, он доберется до среднего Рейна дней через десять, а затем, форсировав его (близ Висбадена, Мангейма и Карлсруэ), полностью деморализует и разгромит вражеские войска и ускорит падение Германии.

На востоке русские стремительно теснили противника непрерывным фронтом протяженностью в 800 миль от Финляндии до Черного моря. Они вступили в бой с немецкими частями и их сателлитами численностью в 2 000 000 человек, тогда как французы с 700 000, а итальянцы примерно с 300 000. Финская линия обороны на дальнем севере была сломлена, и Финляндия попросила перемирия. К северу от Припятских болот был прорван Центральный немецкий фронт. Советские войска вошли в Северную Польшу и Восточную Пруссию. К югу от больших болот немцы были вынуждены отступить, и Красная армия вышла к Висле недалеко от Варшавы. Румынская армия распалась, и немцы стремительно ушли из этой страны на запад. Болгария вышла из войны. Их дивизии в Югославии и Греции оказались в изоляции. Как описывал Черчилль, «продвигаясь на запад, русские войска по долине Дуная и через Трансильванские Альпы прорывались к венгерской границе, в то время как их левый фланг, к югу от Дуная, уже вышел к границе с Югославией. Здесь они готовили большой рывок на запад, который в должное время приведет их в Вену».

Северо-Западная Европа

Эти объединенные наступления, а также все более жестокие бомбардировки немецких городов заставляли думать, что Германия падет к концу года. Но ни Рузвельт, ни Черчилль не очень доверяли оптимистическим предсказаниям, все более часто появлявшимся в докладах британской, а иногда и американской разведок. Например, в середине июля Британский объединенный разведывательный комитет пришел к выводу, что, хотя невозможно предсказать, когда падет Германия, «так же трудно представить, как она сможет продолжать борьбу после декабря, если объединенные силы союзников продолжат наступление на трех основных фронтах». А 5 сентября комитет рискнул предположить, «что конец уже близок, хотя точную дату назвать трудно».

На Тихом океане ход боевых действий внушал оптимизм. Американские морские десантные группы прорвали японскую цепь обороны внешних островов в центральной части Тихого океана. Жизненно важные пути, по которым с юга шло снабжение Японии нефтью, были отрезаны. Японские силы, разбросанные по островным базам, лишились поддержки. Японский флот был настолько ослаблен, что все его шансы вновь обрести контроль над этими регионами Тихого океана канули в вечность. К началу августа были захвачены Сайпан, Гуам и Тиниан. Американские воздушные силы заняли военные аэродромы, с которых тяжелые бомбардировщики дальнего действия наносили мощные удары по японским военным базам. Стремительное продвижение к северу сил под командованием генерала Макартура превзошло самые радужные надежды. Пока шла

Квебекская конференция, остров Моротай, преграждавший путь к Филиппинам, был взят.

Теперь линии наступления были направлены на Филиппины, Формозу и китайское побережье. Президент, встретившись с Макартуром и Нимицем в Гонолулу (27–28 июля), принял решение в пользу плана Макартура: следующий большой рывок следует направить на захват Филиппин. Пока продолжалась конференция в Квебеке, американский Объединенный комитет начальников штабов одобрил дерзкую акцию: обход Южных Филиппинских островов и удар прямо по центральной части Филиппин – острову Лейте.

В Китае, напротив, военная ситуация складывалась хуже, чем в начале войны. Японские войска нанесли удар по южному побережью. Они прервали связь между провинциями, контролируемыми правительством Чунцина, и морской границей, а также захватили некоторые базы, которые в Китае использовали американские военно-воздушные силы. Падение нашей крупной базы в Куэйлине было неминуемо. Существовала опасность, что японцы могут взять Кунмин, основную американскую авиационную базу на юге и конечный пункт китайского воздушного пути доставки припасов над Гималаями. Или двинуться на запад, достичь самого Чунцина и загнать китайское правительство в еще более удаленное место.

Эти события послужили причиной серьезного кризиса в китайско-американских военных отношениях. Рузвельт и Объединенный комитет начальников штабов поощряли Чан Кайши предоставить командование китайскими войсками американскому начальнику штаба генералу Стилуэллу. Генералиссимус колебался, пока с ним не согласовали условия, в которых оговаривалось, что власть Стилуэлла, а также способы его распоряжения ею будут ограничены. В середине конференции в Квебеке было получено послание от Стилуэлла, в котором предсказывалась неизбежная потеря авиационной базы в Куэйлине и предупреждалось, что японцы могут победить в Бирме, если Чан Кайши не пополнит сокращенные китайские силы, участвующие в военных действиях в этой стране, что он отказывался делать. Этот огорчительный доклад пришел как раз тогда, когда англо-американский Объединенный комитет разработал грандиозный план операции против Японии, для проведения которой требовалась максимальная помощь с китайской стороны. К неудовлетворению военными действиями китайцев примешивалась, к несчастью, разница в политике по отношению к китайским коммунистам. Стилуэлл, поддерживаемый Военным департаментом, уговаривал генералиссимуса бросить несколько дивизий, блокирующих коммунистические регионы в Китае, на борьбу против японцев. Государственный департамент и генерал Хэрли (специальный представитель президента в Китае, прибывший туда во время конференции в Квебеке) также убеждали Чан Кайши принять участие в плане сотрудничества или объединения с китайскими коммунистами – в частности, в программе формирования объединенного консультативного правительства.

Президент по совету Объединенного комитета начальников штабов направил Чан Кайши из Квебека (16 сентября) послание, содержавшее строгое требование признать, что общая ситуация в Китае приблизится к критической, если он не доверит Стилуэллу важный командный пост. В общем, обстановка на китайском театре военных действий не только не поддавалась точному прогнозированию, но и имела привкус пораженческих настроений.

Тут можно вскользь заметить, что Чан Кайши, шокированный этим посланием, решил не ставить Стилуэлла во главе китайских вооруженных сил, каковы бы ни были последствия. Все усилия Хэрли разработать условия назначения закончились неудачей. 25 сентября генералиссимус продолжал тупо просить заменить Стилуэлла, и это лишило его хороших шансов на поддержку американского правительства. Если бы он удовлетворил просьбу президента, Соединенные Штаты были бы ответственны за судьбу китайского правительства. Просьба Чан Кайши о помощи, обращенная к нам, была бы удовлетворена, и, вероятно, мы бы скорее и крепче поддержали его антикоммунистический режим.

В Бирме шли жестокие бои. Попытка японцев в начале года пробиться в Индию

была пресечена. Усилия союзников сохранить наземный путь через Бирму и Китай потерпели поражение. Но все же британские, индийские, китайские и американские силы продолжали свои операции, несмотря на летние паводки, ужасающую жару и дожди.

Теперь кажется удивительным, что, несмотря на пробуксовку китайской кампании, участники Квебекской конференции не предполагали, что Япония скоро потерпит окончательное поражение. Сейчас трудно понять, почему они не увидели, что объединенным воздушным, морским, наземным силам (включая и советские), которые могли быть брошены против Японии, не могли бы долго сопротивляться даже самые решительные люди.

Участники Квебекской конференции далеко не были уверены в этом и даже не могли на это рассчитывать, как, впрочем, судя по отчетам, и Сталин со своими советниками.

В любом случае Объединенный комитет в Квебеке в качестве ориентировочной даты окончания войны в Японии предложил 18-месячный срок после разгрома Германии. Такая ошибка во времени имела свои последствия. Одной из них была уверенность в достаточном запасе времени, чтобы сформировать армию Гоминьдана и перебросить союзные силы в Китай через Бирму или по морю.

Такова была военная ситуация и ее перспективы на основных театрах военных действий, представленные президенту, Черчиллю и их военным штабам на Квебекской конференции.

Различия в оценках и желаниях вскоре сгладились. Победа – успокаивающее средство!

Было выбрано приоритетное направление удара на Западном фронте, с целью окончательного разгрома немецких вооруженных сил и захвата центра Германии. План был одобрен при условии, что удары будут нанесены одновременно как на севере, так и на юге от Рура. Однако все склонялись к точке зрения, что основные силы нужно сосредоточить на севере.

В докладе мы читаем:

«Мы одобрили предложения генерала Эйзенхауэра и обращаем его внимание

а) на преимущество северной линии приближения к Германии над южной и

б) на необходимость открытия северо-западных портов, Антверпена и Роттердама, до того, как установится погода».

По предложению Монтгомери, настаивавшего на едином, мощном рывке через Рейн, определенного решения принято не было. Эйзенхауэру была предоставлена полная свобода действий по распределению своих сил как по всей линии фронта, так и на его отдельных участках.

Из последующей директивы Эйзенхауэра (от 28 октября после встречи в Брюсселе с Теддером, Монтгомери и Брэдли) становится ясно, что предварительно направление наступления планировалось на севере. В относящихся к делу параграфах читаем:

«...6. Генеральный план зависит от предварительного захвата подступов к Антверпену, из чего следует:

а) Предприняв основные усилия на севере, окончательно разгромить врага к западу от Рейна и сохранить плацдармы на реке; затем захватить Рур и двигаться глубже в Германию.

б) Провести операции так, чтобы разгромить врага в Сааре, сохранить переправу через Рейн и быть готовыми двинуться из Саара в соответствии со сложившейся ситуацией. Все эти операции являются вспомогательными по отношению к основному удару, поэтому они должны быть тщательно спланированы по времени».

Было решено не выводить войска из Италии, пока не определятся результаты наступления, в том числе и вторжения в долину реки По. Генералу Уилсону было разрешено сохранить в этом регионе свои десантные суда для возможного использования их на полуострове Истрия. Это немало порадовало Черчилля.

У премьер-министра было все больше и больше веских причин желать, чтобы эта операция, открывающая путь к Вене и Венгрии, была предпринята. Вот как резюмированы его мысли в официальном британском отчете: «Поход на Вену, как представляет его премьер-министр... отвечает всем требованиям этого этапа войны. Он обеспечит западных союзников четкой стратегией на зиму; он мог бы уменьшить опасность излишних амбиций русских или противостоять им; и это было бы соответствующим вкладом Британии в общую победу».

Черчилль и его военные советники полагали, что эта рискованная затея может оказаться возможной еще до конца 1944 года, если немцы будут выдворены из Италии. Поэтому 13 сентября он бодро сообщил военному министерству: «Идея похода на Вену, если война продлится достаточно долго и если туда не успеют первыми попасть другие, здесь полностью принята».

Уилсону дали указание к 10 октября представить на рассмотрение план захвата полуострова Истрия при условии, что флот уже будет стоять в Средиземном море, а решение по этому плану должно было быть принято к 15 октября. Тем временем допускалась высадка небольших военных подразделений в Греции и проведение десантных операций на Адриатике.

Была принята обширная программа разгрома Японии. Сталин долго не выполнял своих обещаний начать сепаратные советско-американские переговоры, и это сыграло свою роль. Планы союзников не зависели от активного участия Советского Союза в войне на Тихом океане, но легко приспособивались к этому событию.

Объединенный комитет начальников штабов в июле уже принял за основу план вторжения в индустриальное сердце Японии. 11 июля он обратился к Объединенному комитету:

«Наши сегодняшние успехи, наше сегодняшнее преимущество в воздушных и морских силах, а в перспективе доступность сил, которые осуществят разгром Германии, заставляют нас полагать, что наша концепция операций... должна предусматривать вторжение в индустриальное сердце Японии. Японию можно разгромить непрерывными бомбардировками и уничтожением ее морских и воздушных сил, но это, вероятно, приведет к неприемлемой отсрочке».

В Квебеке эта точка зрения была подтверждена Объединенным комитетом и одобрена президентом и премьер-министром.

В качестве ближайших шагов в исполнение этой программы предстояло захватить Филиппины; высадка должна была быть осуществлена на остров Формоза и, возможно, вдоль китайского побережья. Британский флот и, может быть, часть Королевских воздушных сил должны были под верховным командованием Соединенных Штатов принять участие в окончательном крупном наступлении на Японию.

Битва в Бирме должна была вестись до полного завоевания страны, и тогда бирманский путь будет открыт. Британские силы, наземные и воздушные, уже участвующие в этой операции или только предназначенные для нее, будут продолжать свою борьбу. Соединенные Штаты, уже перебросившие многочисленные тыловые части в Индию и Бирму, наладившие пути подвоза и предоставившие обширные авиационные ресурсы воздушному флоту Индии, должны были дополнить этот вклад, не увеличивая число наземных частей, кроме некоторых специальных воздушно-десантных бригад. Китайское правительство надлежало предупредить, чтобы оно не отзывало своих солдат

из Бирмы, как это собирался сделать Чан Кайши.

Но если не считать указанных мер, направленных на восстановление и расширение путей передвижения через Китай, этот театр военных действий еще некоторое время оставался в конце списка приоритетных. Большие надежды возлагались на успех этих мероприятий по окончании войны в Европе.

В конце концов, и это был основной предмет размышлений Объединенного комитета, было решено осуществить график поставок для Советского Союза и его вооруженных сил. Было признано, что вскоре необходимость в них существенно уменьшится в связи с завершением войны в Европе. Тем не менее ожидалось, что поставки, необходимые для передислокации, будут расширяться и что объем поставок советским вооруженным силам на Дальнем Востоке придется значительно увеличить.

Ни президент, ни премьер-министр, ни Объединенный комитет, принимая эти решения, не советовались с советскими властями. Но, как только они были приняты, Сталину тотчас же было отправлено совместное послание, в котором сообщалось о них. Это была еще одна попытка организовать более согласованные военные действия с Советским Союзом, как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Американским правительством двигало желание к тому же заручиться сотрудничеством с Советским Союзом для эффективного ведения войны в Китае и образования там стабильного, единого правительства. О важных дискуссиях на эти темы, проходивших на Квебекской конференции, стоит рассказать подробнее.

Вопросы, рассматривавшиеся на Квебекской конференции

Несмотря на соглашение о координации наступления на Германию, заключенное в Тегеране, сотрудничество между американскими, британскими и советскими штабами не претерпело значительных перемен. Регулярно шел обмен сведениями о дислокации и передвижении немецких частей. Американцы и британцы посылали русским свои отчеты о военных операциях, а русские время от времени реагировали на самые главные из них, и то часто по требованию. Относительно планов наступлений советовались мало, что частично объяснялось затрудненной связью. Сталин отклонил предложение главнокомандующего западных союзных сил об установлении прямой связи с советскими военачальниками. Все сообщения по-прежнему поступали через американское или британское посольства или военные миссии в Москве в виде официальных документов в адрес Наркомата иностранных дел. Важные сообщения передавались Молотову или Сталину. Иногда они улыбались и отдавали немедленные указания, иногда просили время для серий консультаций. Если – а это случалось чаще всего – они просили время для размышлений, никаких действий за этим не следовало.

Все предложения относительно совместного планирования и подготовки военных действий на Тихом океане были отклонены. Некоторые американцы и британцы, озабоченные этим, всерьез сомневались, что Советский Союз когда-нибудь вступит в войну с Японией. Страх вызвать преждевременный ответный удар японцев на этом этапе войны казался не очень веской причиной для такого поведения советского руководства. Скорее, проволочки с решением о вступлении в войну с Японией делались для того, чтобы замаскировать желание обладать полной свободой выбора – вступать ли в войну, какую роль в ней играть и какое вознаграждение получить за это.

Стоит вспомнить, что в Тегеране в декабре прошлого года Рузвельт пытался наладить совместную работу. Он вручил Сталину меморандум с несколькими предложениями относительно совместного планирования морских и воздушных операций на северо-западе Тихого океана. Снова и снова посол Гарриман пытался добиться ответа Молотова. Каждый раз тот обещал устроить необходимые переговоры с советскими военачальниками, но результаты были минимальными. Наконец 2 февраля Сталин

объяснил Гарриману, что в данный момент Советский Союз не может принять участие в военных действиях против Японии, потому что его силы на Дальнем Востоке слишком малы. Для того чтобы начать войну с Японией, нужно переоснастить советские воздушные силы и перебросить на Дальний Восток четыре пехотных корпуса, но этого нельзя делать, пока не ослабнет сопротивление немцев на Западе. Таким образом, он уклонился от какого-либо рассмотрения немедленных действий, по крайней мере до лета, но сказал, что планируемые переговоры относительно базирования американских воздушных сил на Дальнем Востоке возможны. Трёмстам американским самолетам и советским бомбардировщикам могут быть предоставлены шесть аэродромов, но еще предстоит рассмотреть вопрос, будут ли эти аэродромы расположены на Камчатке или близ Владивостока, что предстояло решить с командующим Военно-Воздушными Силами Красной армии на Дальнем Востоке, который будет вызван в Москву. Если этих аэродромов окажется мало, он обещал построить новые. В конце беседы Сталин отметил, что, если Японию преждевременно спровоцировать, территория, на которой расположены эти аэродромы, может быть потеряна.

Время шло, а по этому поводу больше не было произнесено ни слова. 3 марта Гарриман спросил Сталина, когда ожидается приезд в Москву командующего, и получил ответ: скоро. Этот же вопрос он неоднократно задавал Молотову, но тот отвечал, что не знает. Таково было положение дел с совместным планированием объединенных действий против Японии, когда советское правительство 30 марта заключило с Японией два новых соглашения. Одно относительно прав на ловлю рыбы в течение пяти лет и другое, согласно которому Япония обещала ликвидировать свои концессии на севере острова Сахалин. Этот акт мог означать, что Советский Союз готов скорее сотрудничать с Японией, чем воевать против нее. Президент и его советники признали, что советско-японское соглашение является опасным сигналом, но с покорным вздохом приняли продолжающуюся отсрочку совместного планирования.

Из посланий и меморандумов того периода создается впечатление, что ни президент, ни Объединенный комитет начальников штабов не оценили, насколько сильно нежелание советских властей иметь в этой части Советского Союза американские военные базы. Документы намекают, что советское правительство, в отличие от американского, вовсе не торопилось завершить войну против Японии. Конечный план, в котором была расписана программа сотрудничества, дает понять, что Советский Союз не спешил с принятием решений до тех пор, пока, не получив от нас помощь, смог бы провести кампанию против Японии с севера собственными наземными, морскими и воздушными силами. Продолжающаяся отсрочка позволяла ситуации развиваться так, что напрашивался вывод, будто в американском присутствии в этом регионе нет необходимости.

Американцы решили, что, раз освобождение Франции уже завершается, советские власти могут более не осторожничать. 10 июня в беседе со Сталиным Гарриман снова завел разговор о предложениях Америки совместно действовать на Дальнем Востоке. Он сообщил, что президент и Объединенный комитет начальников штабов должны решить судьбу наших воздушных сил после разгрома Гитлера. Поэтому они очень хотели бы знать, как скоро Сталин будет готов начать секретные переговоры об использовании авиабаз на советском Дальнем Востоке и координации планов действий на море. Из ответа Сталина следовало, что Советский Союз, войдя в Тихий океан, собирается играть там далеко не второстепенную роль. Прежде чем обсуждать планы действий американских морских и воздушных сил, он хотел бы знать, какие задачи ставят союзники перед советскими войсками. Он заметил, что это вопрос совместных действий в войне, идущей на земле, в море и в воздухе.

Сталин говорил более твердо, чем раньше. Он сказал, что американские тяжелые бомбардировщики смогут воспользоваться шестью-семью авиационными базами в районе Владивостока. Для снабжения продовольствием он посоветовал всемерно использовать морской путь через Тихий океан, если не помешают японцы. Он также выдвинул

предложение, чтобы Соединенные Штаты поставили воздушным силам Красной армии на Дальнем Востоке несколько сотен четырехмоторных бомбардировщиков, поскольку у русских имеются только двухмоторные. Гарриман заметил, что генерал Арнольд готов начать поставки осенью, после того как будет подписано соглашение об операциях, которые американцы намереваются проводить с баз на советском Дальнем Востоке.

Несмотря на безотлагательность, эти переговоры, как и предыдущие, не подвигли Сталина к действиям. Гарриману не удалось заставить Сталина начать разработку подробного плана. Он только смог сказать: «Времени терять нельзя, и чем скорее начнутся обсуждения, тем лучше». Процесс по-прежнему продвигался с трудом; и начало было не очень успешным.

К концу лета посол Гарриман и генерал Дин уже были достаточно раздражены игнорированием советскими властями наших требований и предложений. Они были убеждены, что эту тенденцию можно остановить только в том случае, если изменить способы общения с советским правительством, вступая с ним в контакт только по тем вопросам, которые затрагивают наши интересы. Гарриман поддержал генерала Дина, рекомендовавшего приостановить поставки Советскому Союзу промышленного оборудования невоенного назначения и принять другие подобные меры. Чтобы объяснить мотивы этого решения, Гарриман попросил разрешения на поездку в Вашингтон. Гопкинс ответил (12 сентября, когда началась Квебекская конференция, а переговоры в Думбартон-Окс достигли финальной, критической стадии), что он готов выслушать Гарримана, но полагает, что оставлять Москву было бы для посла ошибочным решением. Поэтому он предложил отложить встречу до особого распоряжения. Теперь невозможно сказать, повлияли ли меры Гарримана и Дина на стратегию разгрома Японии, которую одобрили в Квебеке Объединенный комитет, президент и Черчилль.

Во всяком случае, 23 сентября при передаче Сталину отчета Рузвельта и Черчилля о результатах Квебекской конференции Гарриман обговорил со Сталиным многие прошлые предложения, сделанные нами по более тесному военному сотрудничеству. Гарриман снова напомнил Сталину, что президент торопится начать переговоры об операциях на Тихом океане. Из первых же вопросов, заданных Сталиным, стало ясно, что тот все еще настороженно относится к вступлению в войну с Японией, ожидая, пока не настанет благоприятный момент и появятся шансы на победу. Сталин поинтересовался, стоит ли вопрос о том, чтобы просто составить планы операций или речь идет о назначении определенной даты. Гарриман ответил, что целью является составление планов, а уж даты приведения этих планов в действие будут зависеть от окончания военных действий в Германии. Тогда Сталин спросил, считают ли президент и премьер-министр существенным вступление России в войну на Тихом океане? Не изменилась ли их точка зрения по этому вопросу? Гарриман и Кларк Керр заверили его, что никаких изменений не произошло. Сталин нашел странным, что в совместном послании нет ни слова об участии русских. По-видимому, это не принималось в расчет при составлении планов. Гарриман объяснил, что Объединенный комитет не сделает этого до тех пор, пока не узнает, какую роль готов играть Советский Союз. Они не могут планировать использование советских ресурсов, пока Сталин не будет готов начать переговоры, а планы могут быть изменены в соответствии с советскими предложениями. На это Сталин возразил, что русские должны знать, какие задачи ставятся перед ними. Гарриман пояснил, что эти вопросы будут решены, как только советские официальные лица будут готовы обсудить их. Сталин заявил, что он уже готов и обсуждение можно начать через несколько дней. Он даст указание и назначит время.

Сталин продолжал расспросы. Он поинтересовался, правильно ли он понял, что мы добиваемся не только использования воздушных баз на Дальнем Востоке, но и активного участия советских войск в войне на Тихом океане? Вспоминая прошлое, он напомнил, что президент предлагал подобное участие и русские согласились пойти на это после разгрома Германии, и подтвердил это согласие. Интересно, что в первой части американского

меморандума, написанного по-английски, в этом замечании Сталина используется слово «требовал». Но позже его заменили на «предлагал».

«Однако, – заключил он, – если Соединенные Штаты и Великобритания хотят поставить японцев на колени без участия русских, русские готовы согласиться на это».

В своем докладе президенту после встречи 23 сентября Гарриман заявил, что, по его мнению, Сталин готов и хочет сотрудничать, но ждет повторного приглашения. Он также сказал, что, если взять инициативу в свои руки, не дожидаясь, пока русские выдвинут свои предложения, сотрудничество будет более успешным. Генерал Дин запросил у Объединенного комитета четких указаний. Гарриман рекомендовал разрешить ему обсудить с Генеральным штабом Красной армии нашу стратегию на Тихом океане и ясно изложить задачи, стоящие перед Советским Союзом.

28 сентября президент попросил Гарримана передать Сталину, что он никогда не сомневался в решениях, принятых в Тегеране, и рад, что переговоры скоро начнутся. В тот же день Объединенный комитет направил генералу Дину послание с изложением задач, на решение которых русским следовало бы направить свои усилия. Гарриман, ссылаясь на беседу со Сталиным 23 сентября, сообщил Молотову, что генерал Дин получил указания, касающиеся вопросов, поднятых Сталиным, и полномочия начать переговоры.

Проходили дни, а ответа все не было.

Президент попросил Гарримана еще раз попытаться встретиться со Сталиным. 4 октября на встрече по поводу вручения Сталину копии бюста Рузвельта Гарриман передал ему слова президента и напомнил, что генерал Дин готов незамедлительно начать переговоры. Маршал ответил, что отдал приказ командующим войсками на Дальнем Востоке прибыть в Москву и ознакомить его с ситуацией в этом регионе. Именно этим офицерам будет поручено проведение переговоров с генералом Дином.

Переговоры начались на неделю позже, когда в Москве был Черчилль со своими военными советниками. Но прежде чем мы расскажем об этих переговорах, необходимо затронуть другие вопросы, и в частности переговоры со Сталиным и Молотовым по китайскому вопросу, начавшиеся сразу же после совещания в Квебеке и совпавшие по времени с переговорами с Дином.

Американское правительство всячески пыталось заручиться согласием на сотрудничество от Советского Союза в деле урегулирования ситуации в Китае. Когда в июне Гарриман был в Вашингтоне, президент попросил его переговорить со Сталиным об отношениях Советского Союза с Китаем и очертить нашу модель развития событий. В то время президент считал Чан Кайши единственным человеком, способным сплотить Китай, и поэтому полагал, что его правительство не должно быть свергнуто. Он знал, что распад Китая погубит страну, начнется гражданская война и прекратится сопротивление Китая нападкам Японии. Президент надеялся, что советское правительство приложит силы и терпение для улаживания конфликта между Чан Кайши и коммунистами, базировавшимися на севере Китая. Американское правительство добивалось согласия Чан Кайши послать группу наших военных наблюдателей в штаб китайских коммунистов в Юньань и в случае согласия обещало известить об этом советское правительство.

В первом же разговоре после своего возвращения 10 июня Гарриман изложил эти соображения Сталину. Он напомнил маршалу о словах президента, сказанных в Тегеране, что только Чан Кайши может сплотить Китай. Сталин согласился с этим. Американское правительство, сказал Гарриман, считает, что Чан Кайши следовало бы склонить к заключению соглашения с коммунистами на севере и к проведению более либеральной внутренней политики. Это, заметил Сталин, «легче сказать, чем сделать». И в ответ на замечание Гарримана, что президент был бы рад узнать точку зрения маршала, Сталин сказал, что в данных обстоятельствах он тоже считает Чан Кайши подходящим человеком. К сожалению, заметил он, никого лучше не появилось, и его надо поддержать. Но,

добавил он, об ошибках Чан Кайши надо помнить: пять лет назад китайцы сражались лучше, чем сейчас; многие из людей, окружающих Чан Кайши, плуты и предатели, и все происходящее сразу же становится известно японцам. Отказ Чан Кайши использовать коммунистов в борьбе против японцев он считал глупостью, потому что, как он объяснил, китайские коммунисты не настоящие коммунисты, это, по его выражению, «маргариновые» коммунисты. И все же, добавил он, «...они настоящие патриоты и хотят бороться с японцами».

В ходе этих переговоров Сталин также сказал, что Соединенным Штатам следует и они могли бы взять на себя управление в Китае, поскольку ни Советский Союз, ни Великобритания этого сделать не смогут. Но он предложил, чтобы это управление было гибким: могут появиться новые люди, не входящие в окружение Чан Кайши, и, если они появятся, их надо поддержать и дать им власть. Затем Сталин выдвинул обвинения в адрес Чан Кайши и его окружения в развертывании недружественной и ложной пропаганды против Советского Союза. Но, несмотря на это, заключил он, советское правительство будет и дальше проводить свою политику по отношению к Китаю, руководствуясь договором о дружбе и ненападении от 1924 года. Текущим инцидентам на границе между Внешней Монголией и Синцзяном Сталин, похоже, не уделял особого внимания. Он признал, что советское правительство помогает своему монгольскому союзнику, но считал, что ситуация нормализуется. О сдаче Китаем своих позиций в Маньчжурии он даже не упомянул.

В целом у Гарримана сложилось впечатление, о котором он доложил президенту, что Сталин заинтересован в таком развитии ситуации в Китае, которое позволило бы русским сотрудничать с китайцами, когда Советский Союз вступит в войну с Японией.

Позже, в июне, Советскому Союзу сообщили о длительных переговорах между вице-президентом Уоллисом и Чан Кайши и об усилиях наших дипломатических и военных представителей в Китае, направленных на достижение согласия между правительством Гоминьдана и китайскими коммунистами. Эти немногие сведения, которые удалось получить, казалось, подтвердили согласие Советского Союза позволить нам удерживать господство в Китае.

Это впечатление стало сильнее, когда в конце августа (31-го) Хэрли и Нельсон остановились в Москве по пути в Чунцин и обговорили с Молотовым все аспекты китайско-советских отношений. Советский нарком иностранных дел объяснял эти отношения так: китайское правительство не оценило политику невмешательства Советского Союза во внутреннюю борьбу Китая; Чан Кайши не проявляет признательности советскому правительству за усилия в деле освобождения его из плена у соперников-повстанцев в 1936 году. Затем Молотов сделал несколько заявлений, надолго запечатлевшихся в памяти Хэрли и, вероятно, поколебавших взгляды, господствовавшие в Государственном департаменте. «Советское правительство, – сказал он, – не может нести никакой ответственности за развитие положения в Китае, которую на него неоправданно возлагали». И далее в том же духе. Советский Союз нельзя обвинять в ситуации в Китае. В некоторых частях этой огромной страны несчастный, полуголодный народ называет себя «коммунистами», но они не имеют никакого отношения к коммунизму. Они используют это название, чтобы выразить недовольство своим положением, но, если оно улучшится, они забудут про «коммунизм». Поэтому, если Соединенные Штаты помогут этим несчастным людям, в Китае будет меньше «коммунистов». Далее, если само китайское правительство приложит определенные усилия и сделает все, чтобы народ был лучше обеспечен, количество недовольных элементов в Китае значительно сократится. Это выражение своей точки зрения на ситуацию в Китае Молотов дополнил, сказав, что Советский Союз будет очень рад, если Соединенные Штаты помогут Китаю и китайскому народу улучшить экономическое и политическое положение, обрести единство и выбрать лучших людей, которые будут управлять страной.

Эти замечания на темы, взывающие, как известно, к чувствам американского народа

и идее национального интереса, были, безусловно, предназначены для того, чтобы произвести благоприятное впечатление и уменьшить недоверие к предложениям, которые советское правительство сделает вскоре относительно своих территорий в Тихом океане. Но вероятно, все замечания, касающиеся политики в Китае, тогда были искренни. Мало или ничего не указывает на то, что советское правительство в тот момент оказывало помощь китайским коммунистам. Сложнее судить, делала ли это русская коммунистическая партия через свои тайные каналы; но ее позиция тоже, вероятно, скорее была наблюдательной, нежели активной.

В конце концов, история снова поднимет вопрос о договоренностях относительно вступления Советского Союза в войну на Тихом океане и его участия в китайских делах. Но сначала, чтобы держать в памяти весь масштаб коалиции, мы должны вернуться к положению в Европе и к переговорам в Думбартон-Окс в Вашингтоне той же самой осенью, после Квебекской конференции и до визита Черчилля в Москву. Так как каждая часть этих событий связана с остальными, необходимо придерживаться определенной последовательности в рассказе о них.

Южная и Восточная Европа освобождается от власти нацистов: Финляндия, Румыния, Болгария

Чтобы получить полное представление о ситуации, сложившейся поздним летом и осенью 1944 года, надо мысленно перенестись к событиям, происходившим в странах Южной и Восточной Европы, начавших освобождаться от ига нацистов. Каждая из этих стран стала предметом обсуждения членами коалиции. Но прежде чем говорить о каждой из них, нужно вкратце рассказать о продвижении советских войск и советском влиянии во всем регионе.

Конечные намерения советского правительства оставались неясными. Оно делало все, чтобы правительства, приходящие к власти в странах, расположенных вдоль границ России, были дружественными Советскому Союзу и боялись его. Однако оно, похоже, не торопилось навязывать им свою общественную систему и экономику. Советские руководители открыто заявляли, что они не хотят и не собираются вмешиваться во внутренние дела этих стран и иногда нарочито воздерживались от этого. Они приняли правительства Народного фронта, в которых местные коммунисты находились в меньшинстве среди социалистов, крестьян и других политических группировок. Но в то же время подстрекали коммунистов и другие партии левого толка захватывать контроль и осуществлять энергичные программы – требовать скорейшего ареста и суда над всеми, кто сотрудничал с нацистами или известен своими антикоммунистическими настроениями, и призывать к большим изменениям, в частности к проведению земельной реформы.

При выработке условий перемирия со странами Оси советское правительство потребовало быстрых и весомых поставок Советскому Союзу в качестве репараций. Из-за размеров и разнообразия этих притязаний контроль Советского Союза над экономикой данных стран был почти полностью обеспечен, разве только что временно. Согласно условиям перемирия, были созданы контрольные комиссии, председателями которых по настоянию Советского Союза назначались советские представители, обычно военачальники. Это давало возможность советскому правительству оказывать господствующее влияние на экономику, общественные и политические дела в этих странах, невзирая на недовольство американцев или британцев. Однако пока не представлялось ясным, воспользуется ли советское правительство своими полномочиями для навязывания своей воли. Может быть, оно удовлетворится поддержкой и поставками своим войскам и контрибуциями, наложенными на поверженные страны для возмещения ущерба? А когда страны расплатятся, предоставит им политическую свободу? Или Россия будет настаивать на том, чтобы страны подчинились ее правилам и системе?

Замечание, которое американское посольство в Москве сделало в докладе, посланном 20 октября 1944 года и основанном на материалах советской прессы предшествующего периода времени, оказалось пророческим:

«Политическое брожение и экономический спад в этих странах в данных обстоятельствах кажутся неизбежными. Ортодоксальная марксистская идеология считает это идеальными условиями для возникновения революции. Действующие коммунистические партии, единственные, кто имеет ясно выраженные программы и крепкую поддержку населения, могут при определенных обстоятельствах воспользоваться ситуацией и попытаться получить большинство голосов в правительстве».

Однако американское правительство не верило, что это неизбежно. И тогда, и впоследствии оно делало все от него зависящее, чтобы помешать этому, взывая к принципам и дипломатическим нормам. Но оно не хотело слишком явно вмешиваться в эти слишком скользкие ситуации и рисковать сотрудничеством с Советским Союзом в более крупных делах – обеспечении победы над немцами и японцами и создании системы поддержания послевоенного мира. Британское правительство было более настороженным и несговорчивым, но, как еще будет сказано, оно пыталось предотвратить длительную борьбу с Советским Союзом по вопросам соглашения о сферах влияния.

Финны в сентябре наконец сдались. Можно проследить нелегкий путь к этой капитуляции. Согласно условиям перемирия, предложенным советским правительством в феврале, финское правительство должно было уйти в отставку. 3 марта оно заявило Государственному департаменту, что не подчинится этому условию, а если и подчинится, то выдвинет свои контрпредложения. Оно не сможет интернировать находящиеся в Финляндии немецкие войска, потому что для этого им потребовалась бы помощь русских, а пускать их в Финляндию они не хотят. Оно не сможет демобилизовать финскую армию, потому что она нужна для поддержания нейтралитета. И оно не согласится с теми границами, которые предлагает Москва.

В марте советское правительство сформулировало свои условия точнее. Оно позволило финнам после отступления за новые предложенные границы сохранить армию образца мирного времени, а в качестве репараций потребовало семьсот миллионов долларов, которые должны быть выплачены частями в течение пяти лет. Оно согласилось на некоторые территориальные уступки. На эти условия финны тоже не пошли. В общем, финское правительство заявило, что, если оно примет эти условия, Финляндия не сможет остаться независимым государством. На этом переговоры пока закончились.

Американское правительство сделало неутешительный вывод, что финны начнут действовать только по принуждению. Президент решил, что их страх перед условиями капитуляции можно успокоить, если три основных союзника подпишут декларацию, подобную той, которая была подписана по поводу Ирана. Декларацию, подтверждающую, что финский народ останется хозяином в своем доме. Гарриман спросил мнение Молотова по этому вопросу. 7 июня Молотов ответил, что не считает это нужным, так как переговоры с Финляндией утратили актуальность. Однако через три дня Сталин заверил Гарримана, что не возражает против независимости Финляндии, но так как граница с Финляндией находится всего в двенадцати милях от Ленинграда, то для обеспечения безопасности этого города ее нужно отодвинуть назад. Только тяжелые потрясения, добавил он, заставят финнов изменить политику своего правительства. «Они, – сказал Сталин, – серьезный, упрямый народ, и разум в них надо вбивать». В этот же день советские силы предприняли решительное наступление на Карельском перешейке.

Повлиял ли этот новый удар или нет, но в двадцатых числах июня финны попросили возобновить переговоры относительно условий капитуляции. Сталин отказался, потребовав официального подтверждения финнов, что те хотят сдаться. Он объяснил: все

переговоры с действующим правительством Финляндии бесполезны, ибо оно находится под влиянием Германии. Следующий поворот в финской дипломатии подтвердил это заявление. Риббентроп посетил Финляндию, та снова подтвердила свою солидарность с Германией, и в Финляндию были посланы дополнительные немецкие войска. Таким образом, борьба на этом неподвижном фронте продолжалась, в то время как наши силы продвигались через Францию, а советские войска вошли в Польшу. 30 июня Соединенные Штаты, как ни печально, разорвали отношения с Финляндией, страной, которая, благодаря своей честности, всегда была их фаворитом среди небольших европейских государств.

Вскоре стало ясно: положение финнов безвыходное. Русские войска стремительно продвигались к Балтийскому побережью, сметая немцев на своем пути. Немецкие войска были вынуждены уйти из Финляндии, чтобы избежать разгрома или пленения. 1 августа министр иностранных дел Рюти, подписавший пакт с Риббентропом, подал в отставку. Вскоре пакт был аннулирован. 25 августа финский посол в Стокгольме попросил советское правительство принять финскую делегацию в Москве, чтобы заключить перемирие. 25 сентября военные действия были приостановлены. 19 сентября советский генерал Жуков подписал перемирие.

Условия, навязанные финнам, в ходе завершающих переговоров были смягчены. Предписывалось произвести следующее: 1. Отвод финских войск за советско-финскую границу, установленную 12 марта 1940 года. 2. Граница на дальнем севере Финляндии пройдет так, чтобы к Советскому Союзу отошли город Петсамо и морская база в Порккала-Удд. Советский Союз передаст Финляндии полуостров Ханко. 3. Финляндия выплатит триста миллионов долларов в течение шести лет, то есть в половину меньше того, что вначале затребовало советское правительство. На выплату репарации Финляндии предоставили срок на год больше, чем предполагалось ранее. 4. Советские войска не займут Финляндию. Администрация страны останется финской.

Финские послы мира вернулись из Москвы с чувством облегчения оттого, что им удалось сохранить независимость своей страны.

Румыния уже сдалась и подписала перемирие.

Границы на юге между Карпатами и Черным морем, где румыны сражались на стороне немцев, были защищены слабо, поскольку лучшие немецкие резервные дивизии были переброшены на Центральный фронт в Польшу. В результате прорыва русские захватили Яссы и вышли на побережье Черного моря. 23 августа, когда стало ясно, что ничто не помешает русским в ближайшее время дойти до Бухареста, король Михай с некоторыми офицерами и политическими руководителями взял на себя смелость и отправил в отставку правительство Антонеску. Было назначено новое правительство – коалиция умеренно-консервативных, социалистических и коммунистических элементов. Король возвестил, что вражда наконец закончится и будет подписано «...перемирие, предложенное Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами».

Условия, предложенные и отвергнутые в апреле, были всего лишь принципиальными наметками. Поэтому на следующий же день (24 августа) Гарриман и Кларк Керр наметнули Вышинскому, что надо приложить усилия для того, чтобы достичь полного понимания между их тремя странами. Американцы и британцы преследовали две цели. Во-первых, определение объема репараций, которые надо потребовать от Румынии. Во-вторых, организацию наблюдения за исполнением условий перемирия. Среди предложений, изложенных в британском приглашении к дискуссии, были назначение Союзной контрольной комиссии и отдельное политическое представительство Британии в Румынии (напоминалось, что в письме Кларку Керру от 11 апреля Молотов согласился с этим). Вышинский ответил обоим, что из-за изменившихся условий вопрос требует дополнительного изучения.

В этом вопросе советские власти вырвали инициативу у американцев и британцев, явившись причиной капитуляции румын, а также определив и навязав условия перемирия.

В 2 часа ночи 25 августа Молотов попросил Гарримана и Кларка Керра приехать к нему. Он прочел им заявление, которое советское правительство планировало опубликовать тем же утром. И Гарриману, и Кларку Керру показалось, что оно соответствует прежним соглашениям. В заявлении, опубликованном, когда послы возвращались в свои посольства, говорилось:

«Советское Верховное командование заявляет: если румынские войска прекратят военные действия против Красной армии и присоединятся к освободительной борьбе Красной армии против немцев за освобождение Румынии или против венгров за освобождение Трансильвании, Красная армия не станет настаивать на их разоружении и будет оказывать всяческую помощь в выполнении их почетной задачи».

Молотов в тот же день публично повторил заверения, сделанные им в апреле прошлого года: «Советское правительство заявляет, что оно не ставит своей целью приобретение какой-либо части румынской территории, кроме Бессарабии, и изменение ныне существующей социальной структуры Румынии».

На следующий день Молотов проинформировал Гарримана и Кларка Керра об условиях предварительного перемирия, предложенных советским правительством. Они были такими же, как и те, что были совместно одобрены в апреле, с некоторыми небольшими сдерживающими изменениями. Он добавил, что советское правительство предлагает подписать перемирие в Москве и потому приглашает прибыть туда румынских представителей. Молотов с радостью согласился на участие послов Соединенных Штатов и Великобритании в переговорах с Румынией. Американское и британское правительства ответили согласием.

27 августа было заключено короткое предварительное перемирие. Тогда же ТАСС опубликовал условия, принятые 12 апреля, с заявлением: «Эти условия были отвергнуты бывшим румынским правительством маршала Антонеску. Король Румынии Михай и новое румынское правительство генерала Санатеску выразили свое согласие принять эти условия».

Советское правительство сообщило о приостановке военных действий. Но части Красной армии продолжали наступать на западе и на юге, преследуя немецкие войска. Попутно они разоружали румынские части, лишая их вооружения и продовольствия; румынская армия начала распадаться. В течение нескольких дней немцы оставили Бухарест, и туда вошли русские. К 1 сентября Красная армия дошла до Дуная, и ее войска растянулись вдоль границы с Болгарией.

Новому румынскому правительству не терпелось быстро заключить официальное перемирие, чтобы потребовать от Советского Союза прекращения разоружения румынских сил и выполнения обещания, данного Молотовым по радио 25 августа. Но ему пришлось ждать примерно две недели, пока спорили Молотов, Гарриман и Кларк Керр.

Советское правительство твердо решило иметь решающий голос при обсуждении условий перемирия и значительную свободу в определении последующей судьбы Румынии. Оно всячески оправдывало эти требования, ссылаясь на то, что Румыния их ближайший сосед и что Советский Союз больше всех пострадал от союза Румынии с Германией; что румынские части разрушали Россию вплоть до Ленинграда и что именно Красная армия привела Румынию к поражению.

Американское правительство было недоволено и встревожено тем, как советские силы навязывают себя в Румынии и всячески препятствуют эффективному участию британцев в установлении контроля. Но оно не хотело обострять ситуацию настолько, чтобы это сильно повредило нашим отношениям с советским правительством. Кроме того, Объединенный комитет начальников штабов считал нашей первоочередной задачей незамедлительное заключение официального перемирия, чтобы сохранить часть румынской армии как действенную силу в борьбе против немцев. Таким образом,

Гарриману давали указание сделать все возможное, чтобы изменить те формулировки советских предложений, которые нам не нравились, но одновременно велели сопротивляться не слишком долго и не слишком упорно.

Британское правительство было более упрямо в своих усилиях ограничить советское господство. Оно протестовало против требования тяжелых репараций, которые выдвигал Советский Союз и которые разорили бы румынскую экономику, подчинив Румынию Советскому Союзу, а также не соглашалось с попытками СССР получить реальную долю контроля над Румынией в период перемирия и иметь возможность поддерживать прямые отношения с румынскими властями.

Пока велись споры на эти темы, советские силы продолжали быстрое и энергичное движение по стране, хотя Румыния к тому времени уже объявила войну Германии. В конце концов перемирие было подписано. Румыны пытались включить в него условие, по которому советские войска оставят Румынию, когда закончится война с Германией. Но им ответили, что в этом нет необходимости, поскольку, как выразился Молотов, «это само собой разумеется». Но румынам удалось добиться, чтобы в протоколах переговоров было записано: «Добавлять эти статьи нет необходимости, поскольку, само собой разумеется, советские войска покинут румынскую землю по окончании военных действий».

Гарриман в своем докладе от 14 сентября, через два дня после подписания перемирия, предсказывал, что советское Верховное командование получит неограниченный контроль над экономикой страны и установит полицейскую власть на всей территории, по крайней мере на период перемирия. Он пророчески предполагал, что русские будут обращаться с различными политическими группами в Румынии в зависимости от степени их лояльности по отношению к Советскому Союзу, как это было сделано в Польше и Болгарии. Государственный департамент выдвинул новые протесты и аргументы, которые разбились о стены Кремля, как осенние дожди.

Американскому и британскому правительствам также не удалось добиться адекватного соглашения по контролю. Приведенное вкратце положение, на которое в конце концов Кларк Керр и Гарриман, следуя указаниям, неохотно согласились, гласило: «Образуетя Союзная контрольная комиссия, которая до заключения мира будет осуществлять регуляцию и контроль исполнения настоящих условий под общим управлением и руководством советского Верховного командования, действующего от имени союзных сил».

Молотов разъяснил это так: во-первых, только советское Верховное командование будет обладать правом отдавать приказы румынскому правительству; во-вторых, исполнительную власть в комиссии будет осуществлять советский член Контрольной комиссии; и, в-третьих, функция британских и американских членов будет, по мнению советского правительства, аналогична функции советских представителей в Контрольной комиссии в Италии.

20 сентября Вышинский направил Гарриману и Кларку Керру изложение советских планов организации Союзной контрольной комиссии. Подразумевалось, что роль британцев и американцев в работе комиссии и в самом деле будет второстепенной. Каждой стране позволялось иметь штат только из пяти чиновников; им разрешалось общаться с румынскими чиновниками только через высших чиновников комиссии, которые все будут русскими; и им придется просить разрешения у председателя комиссии прежде, чем совершать поездки по стране. Вышинский пояснил, что такое положение перекликается с положением советских членов Союзной контрольной комиссии в Италии.

Кларк Керр выдвинул протест. 23 сентября он информировал Вышинского, что британское правительство предлагает назначить наряду с британским отделом Контрольной комиссии своего дипломатического представителя в Румынии с соответствующим штатом, вполне независимого от советских властей. В ответ советское правительство заметило: «В этом случае советское правительство считает корректной аналогию с Италией, где советское правительство имеет собственного политического

представителя...» Оно ответило на протесты американцев того же содержания, что и протесты британцев, и точно так же уступило желанию американцев иметь в Румынии политического представителя – иностранного чиновника в ранге министра.

Как будет видно позже, советское правительство обладало реальной властью во всех вопросах, связанных с Румынией. Ни американские, ни британские члены Контрольной комиссии, ни их дипломатические представители не могли повлиять на это.

Один краткий постскриптум по поводу условий перемирия в Румынии. Советское правительство уже давно ясно дало понять, что будет требовать возвращения Советскому Союзу провинции Бессарабии и Северной Буковины. Это было внесено в соглашение о перемирии.

Советское правительство также обещало румынам передать им отторгнутую от Венгрии Трансильванию или ее часть, если они вступят в войну против Германии и Венгрии. Это обещание было внесено в статью соглашения, в которой мы читаем: «Все союзные правительства... договорились, что Трансильвания (или ее большая часть) будет возвращена Венгрией Румынии, что будет подтверждено в мирном договоре...»

Это необратимые, необходимые для установления европейских границ шаги, сделанные еще во время войны.

Болгария в начале осени тоже вышла из войны и попала под влияние Советского Союза. Несмотря на то что, как союзник Германии, она служила делу гитлеровской коалиции, Советский Союз не вступал с ней в войну. Хотя советские войска стояли на северных границах Болгарии, задача подготовки условий перемирия сначала была возложена на британское и американское правительства. Они пришли к соглашению к концу августа. Советское правительство попросили выразить свое мнение о сформулированных условиях. 22 августа Молотов сказал, что считает их весьма удовлетворительными и, когда их обсудят с болгарями, советский чиновник сможет принять участие в качестве «наблюдателя».

Затем пал болгарский кабинет министров. Следующее правительство, возглавляемое Муравьевым (правым лидером аграрной партии), в ночь с 4 на 5 сентября опубликовало политическое заявление о безоговорочном нейтралитете страны. Оно разрывало пакт с Германией и обещало, что немецкие войска в Болгарии будут разоружены, а в случае их сопротивления Болгария разорвет отношения с Германией. Далее сообщалось: Болгария будет продолжать переговоры о перемирии с Соединенными Штатами и Великобританией и проводить политику «...самых искренних отношений, основанных на доверии, с братской Россией». ТАСС тотчас же опубликовал заявление, в котором излагалось мнение советского правительства, что такое решение Болгарии не сулит больших результатов и что Болгария должна присоединиться к союзникам или отвечать за последствия. Страна, говорилось в этом официальном заявлении, должна последовать примеру Финляндии и Румынии и полностью отмежеваться от Германии.

Затем вдруг, поздним вечером следующего дня, Молотов попросил Гарримана и Кларка Керра зайти к нему. Он вручил им копии документа, который собиралось опубликовать советское правительство. Это было объявление войны Болгарии. Молотов уклонился от ответов на вопросы, когда советские войска войдут в Болгарию. Когда его спросили, ожидает ли он начала переговоров о перемирии с Болгарией, а также как и когда они будут проходить, он ответил, что это зависит от позиции Болгарии. Возникло предположение, якобы советское правительство хочет повлиять на течение политических событий в Болгарии и угрозой вторжения вызвать еще одну смену правительства, поставив у власти группы, которые советское правительство предпочитает тем, которым оно объявляет войну.

Почти сразу же болгарское правительство попросило советское правительство о перемирии, хотя было встревожено разрывом отношений с Германией. 8 сентября советские части начали входить в Болгарию. Днем и ночью с 8 на 9 сентября

правительство Муравьева было свергнуто. Власть перешла в руки ассоциации политических партий и групп, именуемой Народным фронтом, в котором болгарские коммунисты играли важную, но не доминирующую роль.

После этих событий советское правительство попросило, чтобы переговоры о перемирии проводились не в Каире, как было запланировано до объявления войны с Болгарией, а в Москве или в Анкаре. На это американское и британское правительства ответили согласием. Первоначально предполагалось, что перемирие будет подписано от имени Соединенных Штатов генералом Уилсоном, союзным главнокомандующим на Средиземном море, подобно тому как генерал Эйзенхауэр подписал перемирие с Италией, а генерал Малиновский с Румынией.

Но теперь советское правительство попросило, чтобы эту важную формальность исполнил советский генерал. Британцы категорически отвергли это предложение.

Они также достигли перевеса над русскими в нескольких ведущих вопросах. В частности, британцы настаивали на выводе болгарских войск из Греции и Югославии до подписания перемирия или вскоре после него. Советское правительство возражало против этого и предлагало оставить болгарские войска в некоторых частях этих стран. Такая позиция, казалось, недвусмысленно говорила о том, что отныне болгарские вооруженные силы будут контролироваться Советским Союзом. Советское правительство хотело предоставить Болгарии статус воюющей союзнической страны. Британское правительство возражало против этого. Советское правительство стремилось, чтобы Союзная контрольная комиссия – орган, которому надлежало наблюдать за исполнением условий перемирия, – находилась под непосредственным контролем советского Верховного командования, как и подобный орган в Румынии. Ни американцы, ни британцы не соглашались на это.

Предвосхищая события, заметим, что прямо перед тем, как Черчилль в октябре начал переговоры со Сталиным, было заключено соглашение по одному из условий перемирия, в соответствии с которым болгарское правительство должно в течение пятнадцати дней вывести все свои войска из Греции и Югославии. В этом случае, в порядке разделения сфер влияния, предпринятого Черчиллем и Сталиным, Советскому Союзу будет предоставлено доминирующее влияние в делах Болгарии. Переговоры о перемирии были вскоре дополнены в Москве. Условия были большей частью те же, что и для Румынии. Однако отсутствовали какие-либо требования к репарациям – снисходительность, оправданная тем фактом, что болгары, находясь на территории России, не нанесли никакого ущерба. В соглашении с Болгарией яснее говорилось об участии британских и американских представителей в работе Контрольной комиссии и предусматривалось, что приоритет советского Верховного командования продлится только до конца войны с Германией.

Южная и Восточная Европа освобождается от власти нацистов: Венгрия, Югославия, Греция, Италия

Соппротивление еще одного сателлита Германии, Венгрии, трещало по швам. С марта 1944 года страна находилась в немецкой оккупации, и реальным правителем в ней был германский посол в Будапеште эсэсовец Вессенмайер. Для защиты карпатской границы венгерские войска были отозваны с Восточного фронта. К середине августа части Красной армии подошли к границам Венгрии. Капитуляция Румынии и известие о принятии ею требований русских, направленных против Венгрии, привело к кризису кабинета министров. 30 августа приступило к работе новое правительство. Это была последняя попытка регента Хорти восстановить автономию Венгрии.

В конце августа глава венгерской дипломатической миссии в Лиссабоне попытался связаться с британским послом в Португалии. Цель встречи он определил как желание выяснить, какие условия выдвинут «англосаксонские силы», если Венгрия порвет с

Германией. Он заявил, что информацию ему разрешено передать в Будапешт. Британское правительство дало указание своему послу в Лиссабоне намекнуть, что венгерское правительство должно капитулировать перед тремя основными союзниками и «должно найти дорогу домой».

Союзники по-прежнему не могли договориться об условиях, которые можно предъявить Венгрии. Британские и американские члены Европейской консультативной комиссии (ЕАС) в течение некоторого времени пытались заставить своего советского коллегприсоединиться к выработке условий, но тот не реагировал на приглашения. Не отреагировал он и после того, как советское правительство было информировано о его позиции.

К концу сентября попытки венгров выйти из войны стали более определенными. 16 сентября Гарриман направил письмо Молотову, в котором говорилось, что американское правительство получило обращение венгерского правительства, содержащее просьбу о перемирии на некоторых условиях, которые, поскольку их никогда не обсуждали, не стоит подробно описывать. Гарриман информировал Молотова, что Государственный департамент еще не ответил на это обращение, но упомянул о приказе представителям американского Департамента иностранных дел отвечать венграм, что, если Венгрия хочет перемирия, ей следует обратиться ко всем трем основным союзникам и назначить своего полномочного представителя, который получит условия перемирия и подпишет их. Четыре дня спустя Вышинский сообщил о согласии советского правительства с таким ответом на все обращения венгров.

В ночь с 22 на 23 сентября, до того, как американское правительство послало ответ Хорти, в Казерте, в Италии, приземлился венгерский самолет с генералом Надои, бывшим офицером 1-й венгерской армии, имевшим репутацию близкого друга Хорти. В эту ночь советские войска пересекли границу Венгрии, сделав первый шаг с холмов Трансильвании на широкие равнины. Надои сказал генералу Уилсону, что имеет разрешение Хорти и венгерского правительства просить перемирия. Венгрия, продолжал он, готова сделать все возможное, чтобы прекратить войну, но отметил, что ей будет трудно выйти из войны без каких-либо общественных потрясений, поскольку страна все еще оккупирована немцами. Он также добавил: венгерские власти понимают, что предотвратить наступление советских войск невозможно и советская оккупация Венгрии неизбежна. Их целью является смягчение ее тягот. Генерал Надои спросил, могут ли союзники помочь венгерскому правительству и армии в их боевых действиях против немцев.

Британское правительство решило, что с помощью генерала Надои удобно наладить канал для передачи условий перемирия. Поэтому оно предложило американскому и советскому правительству передать ему эти условия, как только они будут сформулированы. Не распорядится ли советское правительство, чтобы его представитель в Европейской консультативной комиссии тотчас же встретился с британским и американскими членами? Что же касается помощи венграм в избавлении от немцев, союзники решили предоставить это советскому правительству. Советское правительство не заметило этой просьбы о сотрудничестве. Оно ожидало подходящего момента и предполагало, что венгры сами обратятся к нему.

6 октября Красная армия с помощью румынских частей предприняла мощную атаку одновременно с юго-востока и с Северных Карпат, стремясь захватить Будапешт. Хорти уже командировал в Москву специальных представителей с личным обращением к Сталину. Рассказывая об этом Гарриману и Кларку Керру, Молотов информировал их, что представители предлагают некоторые условия их капитуляции, от которых советское правительство отказалось; и что оно, в свою очередь, выдвинуло венграм некоторые предварительные условия. Молотов попросил американское и британское правительства срочно обсудить их с советскими чиновниками в Москве. Эти условия оказались очень похожими на те, которые британское правительство предложило в Европейской

консультативной комиссии. Среди них были следующие: венгерские войска в ближайшие сроки должны быть выведены из Югославии, Чехословакии и Румынии; это отступление должно находиться под контролем Объединенной военной миссии под председательством советского представителя; Венгрия должна объявить войну Германии; Красная армия окажет Венгрии военную поддержку.

8 октября и американское, и британское правительства одобрили эти условия. Но, как будет сказано ниже, время использовать их еще не наступило.

Югославию после освобождения по-прежнему раздирали внутренние разногласия. 1 июня Черчилль заговорил о реформировании югославского правительства в изгнании. Новый премьер-министр Иван Шубашич, подталкиваемый британцами, через две недели заключил соглашение с Тито. Он признал «временную» власть Тито (Национального комитета) в стране и обещал в дальнейшем реформировать югославское правительство в изгнании таким образом, чтобы оно состояло только из прогрессивных, демократических элементов. В ответ Тито согласился не торопиться с решением относительно будущего монархии, пока идет война.

Черчилль пребывал в смятении. Он был обеспокоен течением кампании в Италии, а также тем, что контроль над Югославией осуществляется элементами, чья дружба с Западом переменчива и сильно зависит от исхода гражданской войны в Греции. Он твердо решил исправить эту ситуацию, отправившись в Италию на переговоры с людьми, способными повлиять на ход событий.

В августе Тито прибыл в американскую штаб-квартиру в Казерте. Черчилль находился поблизости, наблюдая за высадкой десанта в Южной Франции. На переговорах 12 августа премьер-министр сделал обзор военной ситуации, как на Восточном, так и на Западном фронтах. Союзники, заметил он, должны быть готовы к тому, что немецкие дивизии придется выгонять с Балкан силой. Он спросил Тито: если западным союзникам удастся перебросить свои силы через Адриатику на полуостров Истрия, смогут ли к ним присоединиться югославские партизаны? Он объяснил, какую большую помощь окажут союзникам партизаны Тито, если откроют небольшой порт на югославском побережье Адриатического моря для осуществления поставок войскам. Тито ответил, что, хотя немецкая оппозиция внутри Югославии в последнее время стала сильнее и югославские потери очень велики, он сможет поднять значительные силы в Хорватии и Словении и, «...конечно, поддержит операцию на полуострове Истрия, к которой присоединятся югославские силы».

В сентябре, как будет показано далее, Тито круто изменил свою политику и сказал Сталину, что, если британцы ускорят высадку десанта в Югославии, он окажет «решительное сопротивление».

Тито описал внутреннее положение в Югославии, сказав, что группам под командованием Михайловича помогают немцы и болгары, его сторонники еще борются с ними и поэтому он не видит шанса на примирение. Черчилль подчеркнул заинтересованность британского правительства в сильной, единой и независимой Югославии. Он остановился на обязательстве британского правительства перед королем Петром. Вопрос об установлении монархии, заявил Тито, должен быть отложен до конца войны, когда народ решит сам. Он заверил Черчилля, что не отступает от своих публичных заявлений о нежелании вводить в Югославии коммунистическую систему, и добавил, что русская миссия в его штаб-квартире высказалась против подобной акции.

Шубашич, по приглашению Черчилля, присоединился к ним в Неаполе. Он и Тито на совместном совещании пришли к соглашению по ряду «практических вопросов», таких, например, как объединение югославских морских сил под общим флагом. Они также договорились в скором времени одновременно выпустить заявления. Затем Тито и Шубашич вместе покинули Неаполь и вернулись в Вис, чтобы продолжить дискуссию.

Но, несмотря на эти усилия и на активную поддержку британцами сил Тито против

превосходящих сил немцев, стремившихся к уничтожению югославских сил, отношения с британцами ухудшились. Генерал Уилсон, всерьез пытавшийся делами убедить Тито в доброй воле британцев, наткнулся на все усиливающиеся препятствия и подозрения. Требования британцев возрастали, и обвинения в вероломстве, которые предъявлял им Тито, возникали все чаще и становились все банальнее. Вот как вспоминает об этом Уилсон:

«По мере приближения русских сил к Восточной Югославии и возрастания возможности освобождения Белграда Тито, похоже, решил переместить свой штаб из Виса поближе к границе; поэтому я попросил его держать меня в курсе своих ближайших планов и намекнул, что, если он думает о переезде, я бы очень оценил, если бы его сопровождала миссия Маклина, чтобы быть уверенным, что согласование операций не прервется. Тито заверил меня в своем сотрудничестве и согласился держать меня в курсе намечаемого переезда. Однако в ночь на 21 сентября он сел на самолет и улетел из Виса в неизвестном направлении, оставив в качестве своего представителя начальника штаба».

Тито улетел в Москву, не поставив в известность своих спасителей и сторонников. Главной целью его визита, как он объяснил позже, было согласование операций, проводимых его силами, с операциями, проводимыми силами Красной армии, начинавшими входить в Югославию южнее Дуная. Первое соединение небольших частей было осуществлено 6 сентября, и Тито, чтобы отметить это, выпустил «приказ дня». В нем говорилось, что Белград освободят не русские, а югославские солдаты. Но для этого ему требовалась помощь русских, и Сталин пообещал ему целый танковый корпус. Тито хотел точно знать, как далеко зайдут русские в его страну и когда они уйдут. На эти вопросы Сталин также дал удовлетворительные ответы, записанные в совместном коммюнике, опубликованном 28 сентября 1944 года. По многим другим вопросам на встрече Тито и Сталина возникло множество споров. Сталин нашел Тито человеком слишком независимым в выражении своих суждений, уверенным в своей правоте, никого не боящимся и держащимся на равных. Тито, в свою очередь, очень не понравился совет, данный ему Сталиным: быть осторожным с сербскими политиками среднего звена и позволить вернуться королю Петру, но вернуться на время, пока ему в спину не вонзят нож.

В оставшуюся часть осени борьба за изгнание немцев из Югославии шла удивительно успешно. Болгарские войска после капитуляции страны присоединились к борьбе с немцами. Партизанские отряды Тито и британские десантно-диверсионные части морской пехоты активизировали свою деятельность. Удалось захватить все наиболее крупные острова Адриатики и очистить от мин далматинские порты. Короче, противники гитлеровской коалиции успешно сражались за освобождение Югославии от немцев. Но к согласию относительно ее будущего они так и не пришли.

Внутренний конфликт в Греции был еще более острым. Соглашение, подписанное в мае прошлого года о «межпартийном правительстве» (так называемое Ливанское соглашение), в июле начало распадаться. Греческая коммунистическая повстанческая группа (БАМ) отвергла его. Перспектива гражданской войны, при неумолимом приближении дня, когда немцы уйдут из Греции, очень беспокоила Черчилля и его коллег. Он посоветовал своим начальникам штабов обратить особое внимание на политический кризис, который, по его мнению, представляет существенный интерес для британской политики.

По прибытии в Италию Черчилль занялся ускоренной подготовкой договора о защите Греции. 21 августа в Италию для встречи с Черчиллем прибыл Папандреу, премьер-министр Греции. Черчилль посоветовал ему продолжить исполнение своих

обязанностей, невзирая на многочисленные нападки противников его режима. Он также твердо решил предотвратить возможные попытки греческих партизанских отрядов, сплоченных вокруг коммунистов, захватить власть после ухода немцев. Генерал Уилсон начал планирование высадки британских сил, когда в этом возникнет необходимость; Черчилль считал эту операцию мерой, направленной на усиление роли дипломатии и политики, предпочитая такой путь военной кампании, ограниченной взятием Афин и, вероятно, борьбой в Салониках. Его идея заключалась в том, что после высадки парашютного десанта в Грецию будет переброшено греческое правительство, которое незамедлительно приступит к своим обязанностям.

17 августа Черчилль изложил Рузвельту свой план и спросил его, не согласится ли он подготовить эту экспедицию. Рузвельт ответил, что согласен подготовить для переброски в Грецию достаточные силы, готовые при необходимости вступить в действие и сохранить порядок в стране после ухода немцев. Он согласился на использование генералом Уилсоном всех американских транспортных самолетов, которые тот сможет раздобыть. Позже, в Квебеке, Рузвельт, Черчилль и Объединенный комитет дополнили и одобрили этот план.

23 сентября при передаче Сталину совместного обращения Рузвельта и Черчилля о военных решениях, достигнутых на Квебекской конференции, Гарриман и Кларк Керр информировали его о предполагаемой высадке десанта в Греции, сказав, что она может быть осуществлена в ближайшем будущем. Сталин заметил, что план ему нравится и пора уже его осуществлять.

Пока высадка десанта готовилась к осуществлению, британцы продолжали свои попытки объединить движение Спротивления в Греции и образовать консолидированное правительство. На конференции, устроенной генералом Уилсоном в Казерте, главы противоборствующих партизанских армий (коммунистов и националистов) согласились перейти под командование британского верховного штаба, подавить недовольство в отрядах и покончить с соперничеством. Зоны операций были согласованы. Но о том, что произошло, когда немцы начали уходить из Греции, мы лучше расскажем позже.

В Италии сложилась менее напряженная обстановка. Американское и британское правительства имели разные точки зрения на развитие отношений их стран с Италией и на изменения в правительстве этой страны. Однако эти разногласия держались под контролем. Советское правительство всерьез не вмешивалось в события в Италии. Вероятно, оно решило, что, если не мешать американцам и британцам в Италии, то они скорее оставят в покое советское правительство на территориях, попавших под его военный контроль, – Румынии, Болгарии, Венгрии.

Итальянское правительство во главе с новым премьер-министром Бономи к середине лета хорошо освоилось со своей работой. Когда Черчилль посетил Рузвельта в Гайд-парке после Квебекской конференции, они констатировали взаимное сближение. 26 сентября они совместно заявили, что продолжают постепенно, но все более интенсивно передавать контроль над делами Италии итальянской администрации. Чтобы отметить это решение, Союзная контрольная комиссия была переименована в Союзную комиссию.

Американское правительство хотело пойти дальше и возобновить с Италией полные дипломатические отношения. Советское правительство тоже было готово к этому. Но британское правительство колебалось. В телеграмме от 20 октября оно отметило, что находит странным заключать дипломатические отношения со страной, с которой, пусть и формально, находишься в состоянии войны.

Было также подчеркнуто, что делать это парадоксально, пока американское правительство еще отказывается обменяться послами с французскими властями в Париже. Это было сделано в течение следующих нескольких дней. 20 октября была учреждена французская зона министерства внутренних дел; 23 октября Французский комитет национального освобождения был признан временным правительством Французской

Республики и туда был назначен американский посол.

Но если с Италией поступят подобным образом, откажут ли Румынии и Болгарии, перешедшим в войне на другую сторону, в таком же внимании? Несмотря на несогласие британцев, американское правительство и правительства других американских республик 26 октября сообщили об установлении дипломатических отношений с Италией. Государственный департамент объяснил, что он пытается как можно скорее заключить мир с Италией. Его тревожил затяжной политический кризис в этой стране, и он считал главным поощрять группы, борющиеся против немцев, и образовать демократическое правительство. Для администрации не может быть слишком сурового приговора, если она полагает, будто эта мера может всего через несколько дней улучшить перспективы демократической партии на американских национальных выборах!

Назревали другие перемены в итальянском правительстве и другие вспышки напряжения между американцами и британцами. Но события подтвердили правоту более поздних размышлений государственного секретаря Хэлла о ситуации в Италии в тот период, когда он оставил свою должность в ноябре 1944 года: «...мы с президентом чувствовали: Италия, после более двух десятилетий господства фашистов, сделала приятный прогресс в сторону принятия концепций и форм демократии. У нас не было никаких иллюзий, что в экономически ослабленной стране это будет легко, но мы действительно надеялись, что благодаря элементарному здравому смыслу плюс уроку ужасной катастрофы, в которую вверг итальянцев фашизм, они пойдут в верном направлении».

Здесь, ради целостности изложения, рассказ о стратегических решениях, дипломатической деятельности и борьбе наций за окончание войны должен на короткое время прерваться. Дело в том, что, пока лидеры трех великих стран – членов военной коалиции занимались обсуждением этих вопросов, ненасытные чиновники пытались взглянуть дальше их. Если, говорили они, страны можно заставить поклясться в вечном мире и в согласованной воле к его сохранению, разногласия между ними можно сделать временными и разрешимыми. Поэтому, пока гроза бушевала над всей Европой восточнее Рейна и над Азией от Маньчжурии до Индии и Индийского океана, делегации посвященных начали разрабатывать Хартию Объединенных Наций. Они собрались в доме на землях Думбартон-Окс, где каждая комната и аллея отмечена благодатью – благодатью прошлого, в которой так нуждалось будущее.

Конференция в Думбартон-Окс; сентябрь 1944 года

Американское правительство твердо решило до окончания войны объединить нации в коллективную систему поддержания мира. Однако существовало мнение, что только тогда, когда определится состояние Европы после войны и будут заключены мирные договоры, можно будет судить, следует ли Соединенным Штатам вступать в подобную Лигу Наций. На это возражали, что предложенная организация будет обязана поддерживать и защищать установившийся в мире порядок. Белый дом и Государственный департамент не отрицали, что при создании такой организации прежде, чем будут определены условия мира, можно столкнуться с определенными трудностями. Но они были готовы пойти на риск, поскольку считали это своим долгом. Затянувшаяся агония войны привела почти к всеобщему стремлению создать систему новых отношений, способную предупредить будущие конфликты. Но это стремление могло пойти на убыль после победы. А затем, как и в 1919 году, великая цель могла быть убита ложными опасениями возврата к старому мышлению.

Был ли и будет ли когда-нибудь мирный договор, который отдельные страны не считали бы неправильным и несправедливым? Нельзя позволять миротворцам и чиновникам, формирующим направление внешней политики, препятствовать режимам, которые могут дать и поддержать благополучие нации. Но дело не только в этом. США

надеялись, что если оперативная система, к которой все нации могут обратиться за помощью, будет создана до того, как определятся окончательные условия мира, то и договориться об этих условиях, сделать их справедливыми, а не страшными будет значительно легче.

2 мая 1944 года члены сенатского Комитета по международным отношениям запросили Хэлла, может ли организация безопасности воспротивиться навязыванию «плохого мира». Этот вопрос характеризовал мысли и ощущения американских политиков.

Хэлл в своих мемуарах вспоминает: «Я ответил, что сенат, безусловно, будет ратифицировать договоры и впредь будет сам приспособливаться к миру, хорошему или плохому. Затем я спросил, что мы будем делать, если мирное соглашение не будет соответствовать нашим представлениям. Расстанемся ли мы с идеей создания организации поддержания мира или будем решительно... строить ее и, если понадобится, дальше и дальше совершенствовать предложенную организацию поддержания мира?» И далее: «Достичь доброго мира будет гораздо легче, если поддерживать благотворные доктрины, содержащиеся в Атлантической хартии, московской Декларации четырех и резолюции Коннэлли. Иначе по окончании войны не будет даже предварительной программы, находящейся на полпути к совершенству; мы лишимся своего лидерства; и каждая страна уже будет готовиться в будущем торить свою борозду. Правительство, однако, действуя через сенат, вероятно, может предотвратить дурной мир, но, потерпев поражение, ничего не сможет с этим сделать. Однако мы не потерпим поражения по той причине, что нас поддержат малые нации и, вероятно, большая часть более крупных наций».

При ближайшем рассмотрении эти рассуждения опровергались теми, кто знал и понимал, как ясно, даже осенью 1944 года, уже определились многие черты современного мира соглашениями, заключенными в Каире и Тегеране, и ходом наступательных операций. Но я не думаю, что даже в этом случае американское или британское правительства поколебались бы в достижении своей цели или исполнении своей программы. Потому что, как пишет Макнил, американцы «...склонны считать создание международной организации неким талисманом, обладающим мощной способностью улаживать споры между нациями».

Короче, это был и идеал, и бальзам!

Концепция ассоциации свободных наций с целью совместной защиты и обеспечения благосостояния, похоже, стала самым удобным и одновременно самым эффективным способом предотвращения будущих войн. Мы пытались оставаться в изоляции, пытались соблюдать нейтралитет, пытались увещевать. Но все это, как оказалось, имело свои недостатки. Мы не верили договорам, уравнивающим силы, и не хотели после войны держать большую армию. Преодолев все ямы и засады на этих тропах, мы стали искать для наций новые пути, сначала в Думбартон-Окс, затем в Сан-Франциско.

С момента утверждения в Тегеране проекта авторы документа и редакционные комитеты начали энергично работать над ним. Американские и британские составители конституций обменивались идеями и пытались привлечь к работе советских представителей. Но те заявили, что, хотя эта работа потребует многих недель труда, они не возражают принять участие в обсуждении отдельных вопросов, но их не устраивает предлагаемый порядок обсуждения.

К концу апреля Государственный департамент счел свои временные предложения готовыми для представления на рассмотрение членам конгресса и иностранным партнерам. Хэлл не отказывался и от обсуждения второстепенных вопросов, например неопределенного будущего Польши.

«Я подчеркнул, – писал он позже в своих мемуарах, – необходимость единства, особенно между Соединенными Штатами, Россией и Великобританией, если это послевоенное международное предприятие окажется успешным. Я отметил, что

недовольные в этой стране сделают все возможное, чтобы бесконечной критикой и нападками вывести Россию из международного движения».

Обсуждение принесло такое ободрение и уверенность в поддержке, что к концу мая Хэлл заявил о готовности американского правительства к обсуждению планов новой организации с иностранными правительствами. Британское правительство было настроено благосклонно, но советское медлило с ответом. Его надо было поторопить. Гарриман, согласно указанию, намекнул Молотову, что мы договорились начать обсуждение, и чем раньше, тем лучше. И он, и Кларк Керр подчеркивали, что обсуждение будет неофициальным и все решения еще должны быть утверждены правительствами. В конце концов, советское правительство сообщило, что готово начать работу.

Идеи президента претерпели эволюцию от его ранней склонности к соглашению до принятия идеи вооруженного альянса, что можно проследить по публичному заявлению, которое он сделал 15 июня. В нем было отмечено:

1. Организация должна быть полностью представительным органом.

2. Мы не думаем о супергосударстве с собственными полицейскими силами и прочими атрибутами власти.

Члены организации должны просто согласиться иметь силы, доступные, в случае необходимости, для совместных действий, направленных на предотвращение войны.

Изменения были отражены в меморандумах, которые американское правительство представило в июле советскому и британскому правительствам, очертив свои идеи и предложив программу дискуссии. В них было записано, что после того, как четыре основных союзника придут к временному соглашению относительно плана, будет проведено обсуждение его с остальными Объединенными Нациями. Это должно привести к дальнейшим переговорам между основными союзниками и изменениям в предложениях, которые они, в конечном счете, выработают. Советское правительство заметило, что это новый элемент в американских предложениях, но тем не менее оно согласно приступить к предварительным переговорам.

Они были назначены на начало августа. Но сначала британцы попросили дополнительное время на изучение документов, а потом и советское правительство сделало то же. Поэтому дискуссии фактически начались только 21 августа, когда три серьезные и хорошо подготовленные делегации приступили к работе в Думбартон-Окс.

Работа шла хорошо. Преобладало единство цели, вероятно, потому, что она не была отягощена такой нагрузкой, как решение какой-либо особой проблемы войны и миротворчества. В некотором смысле это было путешествием на высотном самолете; он летел над штормами между настоящим и будущим.

Наблюдалось некоторое различие мнений относительно масштабов деятельности ассамблеи – органа, в котором каждый член организации должен был иметь свое представительство. Американцы убедили остальных согласиться, что эта всеобъемлющая часть структуры может иметь больше возможностей и свободы, чем предполагалось вначале.

Проблема, какие страны должны войти в новую организацию, с самого начала вызвала целую серию спорных моментов, таких многочисленных и таких запутанных в деталях, что тем, кто хочет знать о них, придется обратиться к другим источникам. Один был потрясающ. Громыко, глава советской делегации, потребовал, чтобы все шестнадцать республик Союза Советских Социалистических Республик имели отдельное членство. Предположение некоторых наблюдателей, что это требование вызвано главным образом желанием получить поддержку национальностей, входящих в Советский Союз, вероятно, верно, особенно по отношению к народам Белоруссии и Украины, которые были возвращены в советскую федерацию... Конференция оставила вопрос без ответа.

В ходе совещания возникли некоторые трудности с соглашением относительно состава Совета Безопасности, которому, как предполагалось, будет предоставлено право

конечного решения. Никто не оспаривал права Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза на постоянное место в этом органе. Единодушно было решено, что подобное место должно быть предоставлено и Франции. А вот по поводу предоставления постоянного места Китаю возникли разногласия, хотя за это выступало американское правительство. Настанет день, когда оно пожалеет, что его рекомендация была удовлетворена! Остальные шесть членов Совета Безопасности должны были избираться ассамблеей на короткий срок.

Все эти и многие другие разногласия без особых проблем были улажены в Думбартон-Окс или позже. Но одно оказалось затяжным и трудным: вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности. На самом деле эта проблема включала в себя несколько взаимосвязанных основополагающих вопросов. Самым важным из них был следующий: в какой мере великие державы будут делить с остальными членами Совета право формирования и решения политических вопросов и действий?

Пятеро основных союзников, имеющих постоянные места в Совете Безопасности, составляли меньшинство в этом органе, состоявшем из одиннадцати членов, шестеро из которых избирались ассамблеей. Какой перевес голосов потребуется для принятия решения? Советское правительство считало, что достаточно простого большинства, британское считало более уместным установить перевес в две трети голосов, а американское готово было согласиться с любым из этих предложений. Но все пятеро постоянных членов должны быть защищены условием, требующим согласия всех и каждого при принятии важного решения.

Я не думаю, что было достигнуто ясное понимание во время предложения до конференции в Думбартон-Окс или на самой конференции в том, что касается сферы, в пределах которой необходимо единодушное согласие постоянных членов, даже в отношении споров, не касающихся их напрямую. Хэлл и американская делегация, похоже, считали, что использование права вето должно быть ограничено ситуациями, включающими применение силы или санкций. В своих мемуарах он утверждает:

«Во всех дискуссиях с моими помощниками по вопросу вето неоднократно подтверждались два важных условия. Во-первых, ни один из постоянных членов Совета не должен пользоваться правом вето из каприза или произвольно. Они могут воспользоваться этим правом только по важнейшим вопросам, имеющим к ним непосредственное отношение, и никогда – по второстепенным или чтобы помешать детальному рассмотрению какой-либо ситуации... Во-вторых, мы должны были широко обсудить применение вето к военным и другим средствам принуждения.

Однако я сомневаюсь, чтобы советское правительство и, вероятно, другие полагали, что они обязаны проявлять подобную сдержанность. Я оставляю этот вопрос, вызвавший в послевоенный период жаркие споры, специалистам, которые изучат и тексты, и записи дискуссий более тщательно, чем я».

До конференции не было решено, следует ли позволить постоянному члену использовать право вето при решении вопросов, имеющих к нему непосредственное отношение. При решении этой проблемы вопросы возникали один за другим, подобно поднимающимся вверх ступеням террасы. К примеру, требуется ли единодушие: прежде чем Совету Безопасности будет предложено обсудить такой спор; прежде чем будут даны все рекомендации для урегулирования такого спора; прежде чем будут предприняты все действия, чтобы заставить возражающего члена учесть данные рекомендации? И кроме того, следует ли обязать каждого подчиняться решению, против которого он возражает?

Если требовать согласованности на всех этих стадиях, тогда фактически каждый постоянный член будет вправе помешать Совету вообще что-то сделать при решении спорного вопроса. Его придется убеждать согласиться, потому что принуждать его нельзя ни под каким видом. Это может привести к поощрению сделок между великими

державами за счет маленьких стран. Если, напротив, постоянные члены, которых напрямую касается обсуждаемый вопрос, откажутся от права контролировать деятельность Совета, тогда каждый должен будет подчиниться вердикту большинства членов и, возможно, подвергнуться предвзятому отношению недружественной коалиции. Возникшие в результате обиды и недоразумения могут уничтожить всю организацию.

В ходе консультаций в Думбартон-Окс все яснее стали выявляться сложности этой проблемы. Советская делегация настаивала на полном использовании права вето. Американская делегация пыталась уговорить всех согласиться, что каждый из постоянных членов должен отказаться от этого права, по крайней мере на ранних стадиях обсуждения вопроса, касающегося его. 9 сентября Рузвельт обратился по этому вопросу непосредственно к Сталину (письмо дается в пересказе): «И мы, и британцы твердо полагаем, что при принятии Советом решения участники спора не должны голосовать, даже если один из них является членом Совета. Я знаю, что общественное мнение в Соединенных Штатах никогда не поймет и не поддержит план международной организации, попирающей этот принцип». Он добавил, что, по его мнению, малые страны тоже отвергнут подобный план. Что же хотел сказать президент этой свободно сформулированной просьбой? Желало бы американское правительство, если не возражало бы советское, использовать право предварительно, чтобы удержать Совет от навязывания нам решений, возможно, даже под угрозой санкций или применения силы? Вопрос оставался нерешенным, пока не было ответа на обращение.

Хэлл рассказывает, что через два дня после открытия конференции президент одобрил «...нашу новую позицию, согласно которой голоса наций, имеющих отношение к вопросам, рассматриваемым Советом, в том числе и великих держав, не должны учитываться в решениях Совета по этим вопросам». Он добавляет: «Между нами, однако, еще были некоторые разногласия по поводу того, должно ли это воздержание от голосования применяться только к мирному урегулированию споров, к которым имеет отношение одна или большинство основных наций, или также к принудительным действиям».

Адекватно проследить эволюцию официальной позиции Соединенных Штатов по вопросу о процедуре голосования было бы испытанием терпения для любого, кроме самого заинтересованного исследователя, так как она претерпела различные фазы и изобиловала неясностями.

Сталин начал свой ответ с замечания, что у него создалось впечатление, будто в Тегеране Рузвельт и Черчилль согласились с ним о правиле единодушия без всяких ограничений, предложенных теперь. Кстати, доступные мне протоколы бесед на Тегеранской конференции не говорят о том, что вопрос определенно или ясно обсуждался. Считалось, что четверо главных союзников будут всегда согласны и будут действовать совместно. Поэтому у Сталина были прочные основания думать, будто президент тоже считает, что исполнительная власть организации будет применяться только тогда, когда и если все основные союзники придут к соглашению.

Он объяснил, почему не может отступить от этого правила. Советскому правительству, сказал Сталин, приходится считаться с тем фактом, что некоторые влиятельные иностранные круги подвержены «нелепым предрассудкам», мешающим объективному взгляду на Советский Союз. Они противятся правилу единодушия потому, что это идет вразрез с их желанием сдерживать Советский Союз. Более того, сказал он, советское правительство боится оказаться в изоляции и проиграть в диспуте, участником которого является. Но советское правительство хотело бы, чтобы ему верили, когда оно заявляет, что не хочет делать ничего, с чем не согласны остальные. Сталин предложил, чтобы остальные страны еще подумали, каковы могут быть последствия, если великие державы не будут единодушны. Опираясь на эти доводы, он в беседе с Гарриманом объяснил, что, по его мнению, менее крупным странам нельзя позволять вступать в диспуты с более крупными, осложняя тем самым отношения между ними, как это было

раньше. Можно заметить, что этот пункт нечасто фигурирует в комментариях американцев.

В приведенных высказываниях советского правительства прослеживается печальное непонимание того, что перспектива единодушия стала неясной большей частью из-за его собственных действий. Как заметили Гарриман и Кеннан, политика советского правительства в то время была двойственной: наблюдались желание навязывать свою волю в вопросах, которые СССР считал жизненно важными для своей безопасности или престижа, и при этом – стремление к сотрудничеству. При такой двойственности легко потерять равновесие. Если советское правительство не хочет больше доверять своим союзникам и не воздерживается от репрессивных мер, ссоры могут возникнуть в любой момент. Напротив, безоговорочное правило единодушия, к которому все стремились, может уберечь Советский Союз от менее серьезных опасностей, чем та, что возникнет при отчуждении от союзников.

Наконец делегации в Думбартон-Окс пришли к компромиссному решению. Согласно полученной формуле, Совет Безопасности будет иметь право прилагать усилия к мирному урегулированию спорного вопроса, не учитывая голоса участников спора, даже если они постоянные члены. Но постоянные члены сохраняют право вето, даже если они участвуют в диспуте на Совете при рассмотрении вопроса, требующего применения силы. Ни Рузвельту, ни Черчиллю, собравшимся в Квебеке, предложение не понравилось. Но если бы и понравилось, сомнительно, чтобы оно оказалось приемлемо для советского правительства. Случилось так, что после четырех недель конференции обсуждение этого вопроса зашло в тупик.

Хэлл, казалось, был удивлен этим. Вера, которую еще с Московской конференции питал он в то, что советское правительство решит все обсуждаемые вопросы, если с ним обойтись справедливо и терпеливо, сильно поколебалась. Его волновала претензия Советского Союза на самостоятельность решений в отношении Венгрии.

Румынии и Болгарии. 18 сентября он направил Гарриману недоуменный запрос, не решило ли советское правительство круто изменить политику сотрудничества с западными союзниками, о которой, «по-видимому», договорились в Москве и Тегеране, и начать следовать противоположным курсом. Он предложил посольству высказаться по этому вопросу, акцентируя внимание на причинах изменения политики Советского Союза. Вопрос привел посольство в замешательство. Неужели проигнорированы десятки обращений, которые оно направляло, заметив многие признаки невнимания Советского Союза к желаниям американцев и британцев?

Гарриман был так раздражен, что попросил разрешения всего на несколько дней вернуться в Вашингтон, чтобы доложить президенту, но ему предложили отложить визит, надеясь, что в Москве он, возможно, поможет прийти к соглашению в вопросе вето. Он попытался, но, как уже было сказано, безрезультатно. Спровоцированные отказом, он и Джордж Кеннан, советник посольства, подготовили тщательный пояснительный доклад о политике Советского Союза. Они отправили его 19 сентября, до того, как получили запрос Хэлла, думая, что он, может быть, поможет президенту ответить на самое последнее послание Сталина по вопросу вето. Когда пришел запрос Хэлла, они разработали еще более пространственный анализ, который послали 20 сентября.

Главный смысл этих двух докладов заключался в том, что они доказывали, будто советское правительство твердо намерено не позволять Совету Безопасности заниматься спорами, участником которых оно является, особенно когда дело касается его соседей. Посол вспомнил, как на Московской конференции Молотов говорил, что советское правительство готово консультироваться с американским и британским правительствами по большинству вопросов, но по вопросам, касающимся его отношений с западными соседями, оно согласно их только информировать. Он также заметил, что ни Хэлл, ни Идеи в данный момент не возражают против этого и думают, что Сталин и его коллеги

вполне могут сделать вывод, что мы этим удовлетворены. Посол сказал, что он не уверен, происходят ли в политике Советского Союза существенные изменения; недавние события лишь обнажили то, что было всегда: как только советское правительство обрело уверенность в победе и почувствовало, что при необходимости может обойтись без нас, оно начало проводить свою политику. В заключениях этих докладов говорится, что пока невозможно предсказать, насколько упорно советское правительство будет настаивать на подчиненном положении соседних стран, но оно намерено иметь реальное влияние на них, а поэтому не откажется от права ограничивать деятельность Совета при любых спорах с ним. Вот как это выглядит в пересказе:

«Сталин и его основные советники считают важным объединиться с остальными великими державами в решении мировых проблем. Но они думали, что могут сами ставить условия с помощью политической и военной силы. Сталин не может отказаться от объединения, не посеяв серьезной тревоги среди русского народа. Но в окружении Сталина имеются могущественные группы, которые не хотят отказываться от права действовать независимо тогда, когда затрагиваются интересы Советского Союза. Они не могут позволить России зависеть от международной организации, в которой она объединена со странами, которым не вполне доверяет. Сталин не считает непоследовательным одновременно воспользоваться обоими этими методами, чтобы служить тому, что он полагает полезным для обеспечения безопасности Советского Союза».

После этих пояснений посол осторожно намекнул, что в вере Советского Союза в то, что он сможет достичь наилучших результатов обоими методами, есть отчасти и наша вина. Он заметил, что прийти к соглашению с Советским Союзом можно только в том случае, если правительство Соединенных Штатов будет кровно заинтересовано в решении проблем каждой страны. Та же критическая мысль была еще откровеннее выражена в более раннем меморандуме Кеннана: «Международная организация для сохранения мира и безопасности не может занять место хорошо продуманной и реалистичной внешней политики... и мы... пренебрежем интересами нашего народа, если позволим планам международной организации стать препятствием для налаживания подлинных отношений с европейскими народами».

Смысл предложений по этим вопросам заключался в том, что нам следовало проявлять более внимательный и твердый подход к текущим делам в Центральной Европе, чем раньше; а при необходимости ответить на пренебрежение Советского Союза к нашим идеям пренебрежением к их идеям. Если это будет сделано, считал посол, могут возникнуть неприятные ситуации, но в конце концов советское правительство согласится с нашей точкой зрения.

Нигде не записано, повлияли ли эти послания на решение президента и государственного секретаря не ссылаться на послание Сталина от 15 сентября по вопросу о вето. Президент упорно не хотел прислушаться к совету принять точку зрения Советского Союза. Дело в том, что Объединенный комитет начальников штабов, чье мнение выражал генерал Стэнли Эмбик, один из членов американской делегации в Думбартон-Окс, хотел избежать инцидентов, которые заставят Советский Союз остаться в стороне от войны на Тихом океане. Позднее Хэлл писал: «Во время конференции в Думбартон-Окс наши военные советники... были готовы пойти дальше многих политических советников в поддержке позиций России, твердо стоящей на том, что право вето должно применяться без исключения».

Президент полагал, поскольку в Думбартон-Окс было решено достаточно проблем, а решения по вопросу о вето не предвиделось, что будет разумнее временно отложить переговоры. Те, кто надеялся собрать основных действующих лиц для принятия Хартии Объединенных Наций до окончания 1944 года, были разочарованы.

Первый и основной этап конференции, в котором принимало участие советское

правительство, но не принимало китайское, был назначен на 28 сентября. Второй, на котором отсутствовало советское правительство, но присутствовало китайское, состоялся сразу же и закончился к 7 октября.

Каждое из четырех правительств 9 октября выпустило одинаковые краткие заявления в качестве введения к описанию работы, проделанной в Думбартон-Окс. В них говорится: «Правительства, представленные на дискуссиях в Вашингтоне, пришли к соглашению, что после дальнейшего изучения этих предложений они как можно скорее предпримут необходимые шаги с целью подготовки окончательных предложений, которые потом смогут послужить основой для конференции Объединенных Наций в полном составе».

Предупреждающая нотка этих публичных заявлений казалась оправданной. Правительства великих побеждающих держав пришли к соглашению о природе и структуре гибкой коллективной системы поддержания мира и безопасности и о том, как она будет действовать. Размах, глубина и непреклонность разногласий по второстепенным вопросам не были оценены по достоинству.

8 целом мир приветствовал результат конференции радостным удовлетворением. Несмотря на то что в каждых дневных новостях проскальзывала тема трудностей, американский и британский народы по-прежнему рассчитывали на продолжение сотрудничества с Советским Союзом после войны. Только немногие критики утверждали, что этого не произойдет и что за военным союзом последует борьба Запада с угрозой распространения по всему миру революционного коммунистического движения.

9 октября Рузвельт с удовлетворением заметил, «...что так много можно сделать по столь трудному вопросу за такое короткое время». Черчилль предоставил результатам конференции в Думбартон-Окс говорить самим за себя.

Впрочем, премьер-министр не прошел, да и не мог пройти мимо тревожных обстоятельств. Он не был полностью доволен принятыми стратегическими планами; его беспокоили усилия мятежных элементов захватить власть в освобожденных странах, и он начал бояться, что коммунистический Советский Союз станет хозяином континента. Поэтому он решил поехать в Москву, чтобы выяснить, как можно уладить беспокоящую его ситуацию в свете темы гармонии, прозвучавшей в Думбартон-Окс, и можно ли это сделать вообще. Он прибыл в Москву 9 октября, в тот день, когда были опубликованы заявления.

Рузвельт попросил его отложить дискуссию по вопросу вето до того времени, пока они не встретятся все трое. Черчилль сделал это одолжение с согласия Сталина.